

КОЛЛИЗИИ ОБЫЧНОГО И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА В СУДЬБАХ ВОЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ОБЩИН

У статті розглянуто декілька принципово важливих фактів із генези козацтва в цілому як соціального феномену, найдавніші витoki формування його правопорядків (звичаєвого права), його правосвідомості, внутрішньообщинних норм поведінки, стосунків між відносно вільними общинами і феодално-кріпосницькими державами, носіями позитивного права. Автор вважає, що сучасне відродження козацтва являє собою не що інше, як відновлення кращих і найбільш глибоких традицій справжнього народоправства.

Ключові слова: козацтво, община, звичаєве право, позитивне право.

В статье рассматриваются несколько принципиально важных фактов из генезиса казачества как социального феномена, древнейшие истоки формирования его правопорядков (обычного права), его правосознания, внутриобщинных норм поведения, отношений между относительно вольными общинами и феодално-крепостническими государствами, носителями позитивного права. Автор полагает, что современное возрождение казачества представляет собою ни что иное, как восстановление лучших и наиболее глубоких традиций подлинного народоправства.

Ключевые слова: казачество, община, обычное право, позитивное право.

The article considers several principally important facts from the Cossacks genesis in general, as social phenomenon, the most ancient sources of formation its law and order (conventional law), law and consciousness, standards of behavior in community, relations between relatively free communities and feudal-serfdom states, bearers of positive law. The author supposes that modern revival of the Cossacks is nothing more than restoration of the best and the deepest traditions of genuine people's law.

Keywords: the cossaks, community, ordinary right, positive right.

Все казачьи войска дореволюционной России по своему происхождению можно разделить на две группы.

Одну группу составляли хозяйственные общины и их войска, **возникшие в результате народно-правового творчества**. Это днепровские казаки, запорожские, волжские, донские, яицкие (уральские). Из летописей, дипломатической переписки с жалобами правителей различных государств на военные “шалости” казаков обнаруживается, что у них существовали самые древние военно-общинные ассоциации. Их появление большинством исследователей, по нашему мнению, ошибочно привязывается к XVI в. [1]. Из логики **летописных упоминаний и содержания дипломатической переписки** московских царей с турецкими и ногайскими правителями видно, что **вольные** казачьи общины, несомненно, возникали на несколько веков раньше даже того времени, которое зафиксировали обнаруженные письменные источники.

Вторую группу казачьих войск и их общинных организаций составляли те, которые были созданы в результате административного конструирования в государственных и военных ведомствах Польши и Российской империи времен Петра I. К началу XX в. в армии Российской империи на правах **иррегулярных войск** несли службу и, естественно, стали подведомственны Военному министерству одиннадцать казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское. Как видим, “исчезло” Запорожское. Иррегулярными их назвали потому, что они организовывались не по общеармейским правовым принципам. Для них устанавливалась иная система комплектования, иной порядок прохождения службы, обучения, боевого и материального обеспечения (экипировки). Эти различия возникли в силу различий в самом историческом происхождении казачьих войск.

Письменные документы и другие источники свидетельствуют, что наибольшее число **вольных казачьих общин** существовало на территории России и Украины. Среди них старейшие – Днепровские и Волжские.

Прежде чем говорить по существу озаглавленной проблемы, представляется обоснованным рассмотреть несколько принципиально важных фактов из генезиса казачества вообще как социального феномена, заглянуть в древнейшие истоки формирования его правопорядков (обычного права), его правосознания, внутри-общинных и межобщинных норм поведения, отношений между самими отдельными вольными общинами, общинами и феодально-крепостническими государствами с их социально-политическими институтами.

Затем уже в свете коллизий обычного и позитивного права попытаться осмыслить несколько исторических фактов, которые обусловили те отличительные черты Запорожского казачества (**потомков вольных днепровских казаков**), которые определили его действительно уникальную роль в формировании украинской государственности (и причин её утраты тоже). Одновременно, используя сравнительный подход, выяснить, почему потомки волжских казаков – донцы, уральцы и сибиряки – такой задачи перед собою даже не ставили.

Итак, несколько замечаний по проблемам возникновения древних вольных казачьих общин вообще. В догосударственной жизни славян-земледельцев совместная работа выступала основным стимулом к развитию дифференцированных правовых норм для регулирования коллективного хозяйствования задолго до возникновения городских культур с их надёжно организованной центральной политической властью. Об этом свидетельствуют и нормы “Русской правды” – уникального памятника светского писаного права Киевской Руси и одновременно хранилища очевидных следов обычного права. Генезис и развитие правовых регуляторов (норм) в предгосударственных славянских общностях имеют своими истоками примирительное право в **двехсоттысячелетней эпохе** родового строя. Многообразие хозяйственных земледельческих и иных занятий, конкретных, глубоких по сложности ситуаций, постепенно накапливаясь, дифференцируясь, не только логично породили, но и постоянно обогащали **право примирения, как универсальный институт выживания человека в условиях родового строя**. Право примирения, обоснованно полагает шведский правовед Эрих Аннерс, играло тогда спасительную роль, поскольку в людях, в отличие от зверей и животных, на генетическом уровне не закодировано – “не убей себе подобного”.

Постепенно обычное, гуманное право примирения приобрело **уголовно-правовой** и **гражданско-правовой** характер. Институтами реализации этого права выступали **народные собрания**, состоявшие из всех вооружённых мужчин племени и **совет старейшин родов**.

Самым поздним по времени было рождение и правовая трансформация **третьего важнейшего института родового строя – монарха** (князя, царя, короля, гетмана, атамана). Важно проследить трансформацию и вхождение этого института в структуру органов казачьего самоуправления. У славян князь – это вождь племени, затем союза племён и, наконец, глава раннефеодального государства. Известно, что первоначально племенные славянские (и не только славянские) князья были **выборными**, а не наследственными. Более того, князя выбирали только на время военных действий племени по самообороне или нападению на враждебных соседей. Он был всего лишь **временный** “главнокомандующий”. В условиях боевых действий его высокий военный пост давал ему право отдавать боевые приказы, наказывать за трусость в бою, за иные дисциплинарные правонарушения.

Из такого **командного права** и вытекало примитивное **военно-уголовное право**. Однако выборный князь не имел права вмешиваться не только во внутрисемейные отношения, но и разбирать межродовые конфликты. Решающее слово оставалось за народным собранием вооруженных соплеменников (военная демократия). Подобные совместные обсуждения или консультации со временем превратились в базу для создания надёжного консультационного института с юридически закреплёнными за ним полномочиями. Их унаследовали в наиболее близком к первоначальному облику (объёму, набору правомочий) только казачьи рады (круги и пр.). Выборность высшего военного должностного лица, в отличие от государственной практики, также сохранили только казачьи общины.

Государство, вырвавшееся из социально-экономических отношений (противоречий) старейшего родоплеменного общества, подчиняло себе общество, регулируя правоотношения в нём с помощью норм **позитивного права**. В государственный период существования славянской ойкумены обычаи правовой организации периода родового строя становятся главным источником в системе развития права казачьих общин. Они оставались фундаментальным источником более высокого уровня культуры гуманных правоотношений, бросая социальный вызов крепостничеству.

С усилением государственных институтов обычай становится второстепенным источником права, поэтому соблюдение правовых норм позитивного права начинает обеспечиваться **принудительной силой государства, его силовых институтов**. Это было воспринято далеко не всеми членами общин, тысячелетия не знавших властного принуждения.

Исследование коллизий обычного правового сознания и государственного законодательства обнаруживает, что пытаться изменять взгляды жёсткими законами – хуже, чем бесполезно. Эти попытки остаются не только без успеха, но вызывают реакцию, благодаря которой взгляды только усиливаются. Сначала нужно, чтобы изменились эти взгляды, тогда уже можно изменять законы. Однако законодатели, как правило, охотнее идут на ужесточение законов, чем на поиски простых правил здравого смысла и гуманных решений.

Поэтому почти у всех народов мира их жизнь в догосударственный период закрепились в социальной памяти как мифологизированный **Золотой век**. При внимательном же рассмотрении этого, в общем-то действительно мифологического представления о счастливом и беззаботном состоянии первобытного человечества, у каждого народа обнаруживаются заметные отличительные черты. Можно вычленить конкретные социальные ценности, об утрате которых люди стали сожалеть, оказавшись под властью своих государств, законов и иных норм позитивного права.

Попробуем проиллюстрировать высказанное суждение, сравнивая поэму “Труды и дни” Гесиода и “Метаморфозы” Овидия. При сопоставлении мыслей

греческого и римского авторов заметна даже определённая эволюция, модификация в представлениях двух древнейших народов об их **конкретных жизненных идеалах** золотого века. Гесиод отражает мирозерцание греков эпохи становления рабовладельческого классового общества VII – VIII вв. до н. э. Ему было больно видеть процесс пауперизации рядовых земледельцев, угнетения их басилеями – “пожирателями даров”. В поэме слышны настроения сельских труженников, утесняемых родовой аристократией. Отсюда обличение социального неравенства, **возведение идеи справедливости в высший этический принцип**, воспевание прежде свободного, неподневольного труда как основы жизни. Для греков, по Гесиоду, золотой век – это когда “Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой, горя не зная, не зная трудов. И печальная старость к ним приближаться не смела...” [2].

В воспоминаниях о Золотом веке римского поэта Овидия (43 г. до н.э. – 18 г. н.э.) отчётливо видно, что его печалят иные, менее мифологизированные, более конкретные огорчения. Огорчения, можно сказать, ущемлённой свободы. Жаль, что автор статьи об Овидии, помещённой в Большой Советской Энциклопедии, акцентировал внимание читателя только на том, что Овидий в своей поэзии культивировал “индивидуалистическую, главным образом, эротическую поэзию”. Куда важнее, на наш взгляд, то, что истинный римлянин, отражая настроения эпохи усиления императорских диктатур, перечислил все основные пороки, которые принесло людям воинственное рабовладельческое государство и его властолюбивые правители:

“Первым посеян был век золотой, не знавший возмездья,
Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и верность.
Не было шлемов, мечей, упражнений военных не зная,
Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.
Также от дани вольна, не тронута острой мотыгой,
Плугом не ранена, всё земля им сама приносила”.

За золотым веком, в порядке регресса, повествует поэт юридически грамотной страны, следовали век серебряный, медный и железный – худший и тяжелейший из всех.

У славян “железный” век государственности и законов наступил позднее, чем у греков и римлян. По мере утверждения феодальной государственной власти не все члены самоуправлявшихся славянских общин принимали неуклонно усиливавшееся жесткое государственно-правовое регулирование. Не каждый свободолюбивый общинник соглашался покорно сносить подчинение своевольных бар и спесивых князей, которых он не избирал.

У вольнолюбивых славян, не знавших классического рабства, историческая память о золотом веке, аккумулируясь на уровне подсознания, приводила к тому состоянию духа, чувства, отношения к новым порядкам, которое **стимулировало постоянный протест, правовое неприятие, и как практическое действие, – отток населения на “вольные запольные реки”. То есть за пределы государственной территории.** Огромные равнинные пространства, не скованные горами (как в Греция), не ограниченные морскими водами (как в Риме) открыты для свободного побега. Не случайно уже в летописях XII-XIII вв. встречаем упоминание о **бродниках** – несомненных, по мнению некоторых исследователей, предшественниках населения первых казачьих общин.

По всем крупным рекам, таким как Днепр, Волга, Дон, Яик (современный Урал и др.) возникали общины беглого люда, “вольного”, как себя называли их обитатели. Понятно, что в типично **мужских** общинах, укрывавшихся на островах рек, богатых рыбой и дичью, можно было выжить и без защиты своего большого прежнего

племени, без защиты нового людского сообщества с чуждой ему государственной властью. Жили они на территориях соприкосновения европейской и азиатской цивилизаций. Сохраняя черты культуры своего народа, “вольные люди” перенимали некоторые практические черты культуры и быта кочевых народов, воспринимали отдельные иноязычные слова и понятия.

Впервые на них обратил внимание официальный историк Яицкого (Уральского казачества) А.Б. Карпов, монография которого “Уральцы” отличается скрупулёзным сбором документальных источников [3].

В советское время (конец 30-х – 40-е гг.) о бродниках стали говорить В.В. Мавродин [4], А.И. Попов [5] и Н.М. Волынкин. Работа Н.М. Волынкина, опубликованная в 1949 г. в “Вестнике Ленинградского университета”, самим названием передаёт мнение автора – “Предшественники казачества – бродники” [6].

В Советской исторической энциклопедии справка о бродниках дана в следующем содержании. **“БРОДНИКИ – воинственное население** берегов Азовского моря и нижнего Дона. Бродники – остатки древнеславянского населения южно-русских степей, сильно ослабленного вторжением половцев”.

Если мы обратимся к семантике слова “бродник”, то более всего найдём указаний не на воинственные качества людей, занимавшихся тем, что определило их прозвище, а на вид хозяйственных занятий, способ выполнения тех или иных трудовых операций. Знаменитый знаток русского языка В.И. Даль отмечал, что слово “бродить” означает ходить по разным направлениям, отыскивая что-либо. При этом “идти бродом” означает “идти вброд”, “идти водою”. В наше время говорят “идти по воде”. При этом Даль счёл нужным напомнить, что есть разница между **брести** и **бродить**. Когда **бредут**, то знают куда идут, куда направляются. А бродят – рыбу, бродят раков – кому, что надо. Делают это с помощью **бродника**, то есть небольшого неводка, который люди тянут, идя бродом, тянут на клячах, на двух шестах стойком. А **бродчиком**, по Далю, называют жоака на броду при переходе или переезде бродом. **Бродчик**, подчёркивает он, – это указчик пути.

Но самое существенное, по нашему мнению, вот что. Огромна география распространения этого слова: от берегов нижнего Дона и Азовского моря, где встретили вышеназванные питерские исследователи **бродников**, до Архангельской области и области Уральского казачьего войска. Гигантский географический треугольник! И углы или стороны – как угодно – этого треугольника упираются в самые рыбные реки. И рыбы в них не простые, а высокотоварные – осетровые и лососевые. Лов организовывался с помощью езов, то есть частокола или плетня поперёк всей реки, а если не во всю ширину реки, то это всего лишь заезок. А учуг представлял собою ещё более сложное и несравненно более добычливое сооружение, с избой над перебойкой через всю реку, или крупную протоку, с хитроумными ловушками, из которых рыбу извлекали практически круглый год.

После этого краткого экскурса нам станет понятнее, кого могли в те давние времена обозначать словом **бродники**. В.И. Даль передал это очень лаконично: “БРОДЧИК – ... на реке Онеге закольный учужник, уральский водолаз, сторож на рыбном заколе, заборе, учуге, у яза”.

Пора, наконец, отбросить общее место из досоветской, советской и продолжающей жизнь сегодня точки зрения на мотивы общинной организации казаков. Вот её обобщённое изложение из энциклопедии “Отечественная история”:

“Со 2-й пол. XV в. за линией сторожевых укреплений на южной и юго-восточной окраинах польско-литовского и русского государств начали скапливаться беглые крестьяне и посадские люди, которые называли себя “вольными людьми” – казаками (“вольное” казачество). В 1538 г. в русских летописях встречается упоминание о “вольных” казаках в южных пределах Руси. **Непрерывная борьба против соседних государств и полукочевых народов способствовала**

объединению этих людей в общины. В XV в. возникли общины донских, волжских, днепровских и гребенских казаков. В 1-ой половине XVI в. возникла Запорожская Сечь, во 2-й половине XVI в. – общины терских и яицких казаков; в конце XVI в. – сибирское казачество, в середине XVII в. на Левобережной Украине – слободское казачество. Во второй половине XVI в. польско-литовское правительство создало из верхушки украинского казачества категорию реестровых казаков, состоявших на жаловании государства” [1].

Как видно, из подчёркнутого нами текста, для населения всех общин единственным мотивом их асоциирования и интеграции названа “непрерывная борьба против соседних государств и кочевых народов”. Такое утверждение лишено элементарной логики. Читателю энциклопедической справки предлагается поверить, что “беглые крестьяне и посадские люди”, “со второй половины XV века” “начали скапливаться” за пределами границ своих отечеств, чтобы повести “непрерывную борьбу”. Трудно согласиться, что крестьянин бежал, чтобы сменить орало на меч, а ремесленник и торговец покидал город для рискованных военных занятий.

Всякое объединение людей с правовым распределением ролей на основе обычая имеет своей целью, прежде всего, сохранение известных уже **традиционных ценностных образцов жизни**. И крестьянин, и ремесленник, и торговец бежали от барина, от государства, от их вооружённых слуг, чтобы **в условиях свободы** наладить на новом месте привычное хозяйство, обеспечивающее удовлетворение жизненно необходимых потребностей. Беглецы надеялись строить на проверенной столетиями правовой основе (обычное право) исторически сложившиеся экономические взаимоотношения (трудовую кооперацию).

А вот условия **вынужденной** “непрерывной борьбы против соседних государств и полукочевых народов”, несомненно, диктовали выбор отрасли хозяйства. Главным, легко защищаемым и наиболее рентабельным оказался рыбный промысел и торговля его продуктами. Они дополнялись охотой, коневодством, бортничеством и пр. Что же касается военного промысла, походов “за зипунами” – это, скорее всего, инициатива старожилых казаков в развитых крупных общинах. Именно старожилая верхушка, свидетельствуют документы, снабжала бедноту ладьями, снастями, оружием, она же присваивала львиную долю добычи при дележе её [7].

К выявлению социальных истоков, пополнявших население вольных общин, наиболее близко подошли В.О. Ключевский, Б.Д. Греков, И.И. Смирнов [8].

В Киевской Руси XI-XII вв. люди, вышедшие (“выжитые”) в силу каких-либо обстоятельств из своего обычного общественного положения, из своей группы, потерявшие социальный статус, получали название изгоев. Церковный устав князя Всеволода Гавриила Мстиславича (XII в., по некоторым предположениям – XIV в.) перечисляет среди людей, находившихся под покровительством церкви, следующие четыре категории: “... попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает, ...а ще князь осиротеет” (имеется ввиду – не получит наследства). Изгои, по мнению Б.Д. Грекова, имелись также во владениях светских феодалов. Большинство изгоев, полагают Б.Д. Греков и И.И. Смирнов, составляли потерявшие связь с общиной крестьяне и выкупившихся из отпущенных на свободу холопов.

Холопство, как состояние несвободы, принадлежности человека в качестве вещи (в основном мужчины) князю, церкви, боярину, иному частному лицу, общине, было в XI-XII вв. широко распространённым социальным явлением. Об этом свидетельствуют законодательные акты того времени – более восьми юридических оснований “похолопливания”.

Распространённость этой формы порабощения, закрепощения, прикрепления настолько вошла в практику крепостничества, слилась с “прикреплением”, что и во

времена Петра Первого казаки жаловались: вотчинники даже тех, кто уже служит государю по пять, десять, пятнадцать и двадцать лет, баре ловят, где хотят и “похолопливают”. Понятно, что холопство и крестьянство становились неиссякаемым источником пополнения вольных казачьих общин, несмотря на грозные указы властей и заградительные заставы на дорогах. Согласно уникальной переписи (1723 г.) петровского розыщика И. Захарова на Яике, выходцы их крестьян и в те времена составляли подавляющее большинство общины – две тысячи человек. Остальные: посадские – 312, стрельцы, солдаты и прочие служилые – 79, дворовых людей – 40, бобылей (безземельный крестьянин) – 20, белодворцев – 7. Ко времени переписи ещё не были привёрстаны в казаки новые для Яика категории беглецов “батраки и работники” – 287 человек [9].

Современная социология назвала бы их маргиналами. Маргиналы – это люди, находящиеся на границе различных социальных групп, систем, культур, испытывающие влияние их норм, ценностей и проч. Для понимания многих проблем взаимоотношений крепостнического государства и вольных казачьих общин очень важно не упускать исторические истоки диалектики государственности и сепаратизма в казацком менталитете и правовых обычаях. Крепостничество и холопство было наиболее развито в Польше и в России. Взаимных обязательств между магнатами, боярами, с одной стороны, и крестьянами, с другой, в этих государствах не существовало. Не было тех взаимных прав и обязанностей, которые в Западной Европе закреплялись в системах так называемого феодального и манориального права. Поэтому население Киевской Руси, Польши и Московского царства на протяжении столетий видело социальный выход в массовом бегстве за пределы государства, на “запольные реки”, создании там и постоянном пополнении “христианских казачьих республик”.

Краткость настоящего сообщения не позволяет нам остановиться на структуре внутриобщинных органов управления – к тому же это широко известно. Перейдём к главному. Ранние общины днепровских, волжских, донских, яицких казаков, окаймляя славянскую ойкумену, невольно взяли на себя охрану не только государственных границ, но и, что чрезвычайно важно в нашей теме подчеркнуть, – **взяли на себя сбережение глубочайших источников, обычаев, традиций народоправства**; иными словами, фундаментальных традиций жизни не по государственному закону, а по праву и по совести. Совесть, как нравственное изначальное побуждение, является врождённой, она протестует против искажений, которые несёт с собою законодательство государства, основанного на несправедливости.

Именно казачьи общины на Днепре, Волге, Дону, Яике оказались наиболее последовательными наследниками обычаев, то есть таких правил, форм поведения, в которых закреплялось то, что складывалось в результате двухсот тысячелетий общественной практики родового строя. Соблюдение обычая в них обеспечивалось исключительно мерами общественного воздействия.

Отслеживая черты преемственности и коллизий государственности и развития системы права Киевской Руси и Украины, преемственности государственности и системы права Киевской Руси и России, мы видим, что и строительство государственности, и правовые взгляды у казаков брали свое начало в древнем вечевом строе, в традициях обычного народного права, наиболее полно сохранявшихся даже в великокняжеских сводах законов “Русская Правда” и в нормативно-правовых актах князей Киевской Руси.

Исторически не случайно территория и народ Украины вначале были освобождены от польских магнатов ***именно силами казачества***, под предводительством Богдана Хмельницкого. При выборе внешнеполитической ориентации и поисках союзников решающую роль сыграла вера. Религия на протяжении веков была

стержневым компонентом патриотизма, а вероисповедание стало идеологическим основанием строительства национальной государственности.

В Московском царстве (России) вышеуказанные традиции на севере страны оказались сведенными на “нет” на столетие раньше в ходе утверждения царской власти Ивана Грозного, разгрома его опричниками последнего оплота вечевого строя в Новгороде и повального физического уничтожения родовитой знати – этих представителей родового начала в государственном строительстве и последовательных противников неограниченного “самодержавства”. На юге России казачьи общины Волги, Дона в союзе с казаками Днепра вначале устояли перед наступлением сил самодержавия. Более того, они обезопасили себя с юга. Объединёнными силами ликвидировали ближайший очаг угрозы – столичный город-крепость монголов в устье Яика Сарай (он же Сараил-Джадита, Сарайджук; ныне там современный посёлок Сарайчик).

В освободившейся от польской короны Украине одним из источников норм права по-прежнему оставалось обычное право, в развитии которого чётко видны два русла. Первое – это многовековой опыт днепровского (запорожского) казачьего права, в котором сберегались такие **социальные ценности, как взаимная помощь, взаимная поддержка, взаимная ответственность, взаимная выручка, взаимная защита от внешних и внутренних противников**. Второе русло содержало такие ценности бытия казачьих и крестьянских общин, как военно-мужские структуры, которые отражали реалии и **ценности своеобразной военной организации**.

Со временем казачьим нормам стал присущ сословный эгоизм. В первую очередь, казачьей старшине, казачьей верхушке. Источником права становились гетманские и полковничьи универсалы. Нормативные акты выдавала также общевоинская Генеральная старшинская рада. Этим объясняется то обстоятельство, отмечал М. Грушевский, что на протяжении нескольких сот лет в Украине было характерно эклектическое (разрозненное, не приведенное в систему) соединение норм польского и литовского права, частично Магдебургского, т. е. городского права Западной Европы. Однако сердцевину совокупности всех правовых норм составляло то, что было зафиксировано в народных традициях, в “Русской Правде”. С переходом власти в руки старшины и гетманов у казаков ослабевали институты (органы) самоуправления. Старшинская и атаманская борьба за власть становилась разрушительным источником государственности.

Тем не менее, даже имперское правовое и военное наступление на казачьи общины, предпринятое Петром I, сопровождавшееся глубокими потрясениями и преобразованиями, не привело к полной ликвидации норм обычного права внутри казачьих общин. Для имперских властей было чрезвычайно важно, что христианское население казачьих общин юго-востока России, охраняя свою веру от мусульманского востока, никогда не отказывалось от признания русского царя и отечества. Там оставались родственники, торговые компаньоны и последнее пристанище для престарелых и увечных воинов, которые “за скудостью уходили в Русь”.

А если ещё принять во внимание многовековую, по сути, бесплатную пограничную службу, то правительству не было лучшего варианта, как формировать на основе здоровой нравственной общинности иррегулярные войска. В отличие от иррегулярных войск, известных с глубокой древности во многих странах, российские иррегулярные войска, созданные на базе казачьих общин, источником своей высокой боеспособности имели с трудом сохранённые вековые традиции демократизма и гуманизма внутренних правоотношений.

По мере развития государственных институтов и феодализма основные коллизии обычного и позитивного права продолжали нарастать в первую очередь и, главным образом, в сфере сословной дифференциации – **закрепление сословных**

привилегий новой генерации в казачьих общинах – дворянски привилегированной старшины. В **гражданско-правовой отрасли** основное внимание уделялось наделению, расширению и закреплению её **права собственности на землю**.

Слово “казак” переводят по-разному: и вольный человек, и вооруженный воин. Нам представляется самый близкий к смыслу перевод с тюркского, казахского, киргизского – “белый гусь”. Бродники, ушедшие из подневольной жизни, ассоциировали себя со свободной жизнью, с вольным, как у птицы, полетом – **белый гордый гусь**.

Жизнь в казачьей общине была тяжелая и опасная. Там мог выжить только здоровый и способный к боевым действиям мужчина. Больные, слабые и престарелые покидали общины, “за скудостью уходили в Русь” – свидетельствуют документы. То есть они возвращались в родные края. И не на бандурах играли и пели, как часто утверждают иные романтики, а кормились подаянием соотечественников.

Казаки-старожилы давали новым пришельцам колоритные прозвища-фамилии, указывавшие не только на их прежний социальный статус, но и на некоторое своё превосходство: Сирота, Безконный, Безродный, Босый, Голый, Голодный, Голяков, Песочный, Дранный (в смысле битый), Пастух, Портной, Краденый, Закладной, Карнаух (с отрезанным ухом), Кривохижа, Кривошапка, Кривошеев, Дериглазов, Хромченко, Клейменный, Беспалый и т.п. Прозвища давались также по месту прежнего проживания пришельца: Полтавцев, Новгородцев, Белгородцев, Смоленский, Астраханцев, Ярцев, Черноярцев, Казанцев и т. п.

В бессемейных на протяжении столетий общинах формировалась соответствующая мужская этика и нравственность. Один философ отмечал, что в настоящем мужчине сокрыто дитя, которое хочет играть. Играючи, казаки писали не только знаменитое письмо турецкому султану, играючи, они давали своим собратьям-общинникам такие прозвища-фамилии, которые не решится воспроизвести ни одно издание. Из шестисот проанализированных мною казачьих фамилий уральцев середины XVI в. сорок фамилий-прозвищ непристойного свойства.

Социального равенства даже в самых ранних общинах не было, и быть не могло, потому что приходили туда люди с различным социальным опытом, с различным имуществом, необходимым для начала примитивного хозяйствования. Казаки-старожилы использовали новоприходцев для снаряжения походов “за зипунами” и забирали себе основную часть. Неравенство особенно резко усилилось после того, как казаки начали оказывать свои военные услуги какому-либо государству (наемничество). За это верхушка казачьей общины выговаривала себе постоянное жалованье (реестр).

Естественная и военная убыль населения в казачьих общинах восполнялась за счет притока беглого населения, который возрастал по мере усиления крепостничества. Основной приток шел из крупных магнатских хозяйств Польши и крупных вотчин России. Власти выставляли на путях бегства подневольного населения заградительные заставы, увеличивали сроки розыска белых, требовали от казачьих общин возврата беглецов. На что казаки неизменно отвечали: “К себе не призываем, обратно не высылаем”. И вообще среди казаков, утверждали вольные общинники, нет людей из крепостных, “все казаки – люди вольные”.

Правительства Польши и России в отношении казачества иногда занимали **вынуждено двойственную** позицию. Они не только хотели, но и неоднократно пытались уничтожить казачество полностью, но для этого им не хватало сил. Поэтому казаков использовали как буферную силу в пограничных регионах, хотя их самовольные нападения на посольства и соседние государства вели иногда к дипломатическим осложнениям. У казачьих общин, живших на далеких одна от другой реках, поддерживалась “товарищеская” солидарность. Однажды московский

царь Иван IV Грозный наслал на Волжское казачество большую карательную экспедицию за то, что Днепровские казаки во главе с Федькой Бестужевым, сообщая с волжскими отрядами, напали на столицу и крупную крепость бывшей Золотой Орды – Сараил Джадита (в русском варианте – Сарайчик), сожгли ее, ограбили богатые ханские гробницы. Много отрядов волжских казаков тогда переселилось на Днепр, большой отряд во главе с легендарным Ермаком Тимофеевым ушел в Сибирь, многие ушли на реку Яик (Урал), основав там Яицкое казачество.

Будучи православным, имея родственников и торговые связи с родиной, живя на границе с иноверческими народами, казачество было заинтересовано в существовании того государства, из-под юрисдикции которого оно самочинно вышло и фактически самочинно, в постоянной борьбе, утверждало свою автономию. **Отсюда его государственность.** Однако социально-политическая организация вольных казачьих общин противоречила самим глубинным социально-политическим основам крепостнических государств. Их политика представляла постоянную угрозу казачьему автономизму, общинному правопорядку, “казачьим вольностям”. **Отсюда в казачьем менталитете утверждается стойкий сепаратизм.**

Некоторые современные исследователи истории украинского казачества, особенно склонные к публицистичности ее изложения, пишут, что украинское казачество представляло собою уникальное явление. Напротив, это достаточно **распространенный социальный феномен**, представляющий собою естественную реакцию населения на наступление на обычаи, права и свободы вольных земледельцев со стороны зарождавшегося и крепнувшего феодального государства. Поэтому уместно говорить не об **уникальности** украинского казачества как социального феномена, а об **особенностях расселения и бурного роста людности** его общин вначале по укромным местам речного бассейна Днепра, а затем и **на обширных степных пространствах** Украины. Особенностью также следует, на наш взгляд, считать сравнительно быстрый переход от двойственности в менталитете (сепаратизм и государственность) к **идее создания суверенного украинского казачьего государства. То есть государства, независимого вначале от польских властей, а затем и от покровительства России.**

Процесс расселения беглых украинских крестьян свидетельствует, что фактически **явочным порядком** формировалась **новая территория суверенного государства, его новый социально-политический облик и новый порядок формирования и структура местных органов власти, и новая вертикаль власти, и новые общественные отношения. Так что почва для исторической победы украинского народа была подготовлена основательно и всесторонне.**

И в заключение этого сюжета надо подчеркнуть объективную неизбежность именно вооруженного исхода борьбы украинского народа под руководством Б. Хмельницкого. Специфика развития событий заключается в том, что российские феодалы не пытались сохранить свое господство путем переселения своих вотчинных центров на освоенные казаками территории, в бассейны Волги, Дона и Урала (Яика). Посылкой вооруженных отрядов и экономическими привилегиями для атаманской верхушки Москва, позднее Петербург, подчиняли вольные казачьи общины, **сохраняя за ними освоенные территории с их природными богатствами.** А в качестве платы население обязано было служить в иррегулярных казачьих войсках – это и есть служилая феодальная рента, взимавшаяся в пользу государства.

Вопрос о том, в каких внешнеполитических условиях происходило заселение украинским казачеством Приднепровья, опустевшего в результате монгольского нашествия, обстоятельно исследован и описан в литературе. Со второй половины

XIV в. непрерывно шло ослабление Золотой Орды, а, следовательно, ослабевало и ее давление на Приднепровье, ничем не защищенное от набегов. С другой стороны, шло усиление крепостнического гнета и католической агрессии со стороны Польши. Это резко стимулировало бегство населения с запада и северо-запада на вольное и уже относительно спокойное Приднепровье. За отдельными беглецами и семьями, создававшими там обустроенные поселения, направлялись ненасытные магнаты. Они получали от короля грамоты на доходные, подчеркнем, **обжитые земли** и старались не только заселить их своими переселенцами, привлекая их обещаниями различных льгот и привилегий, **но и реставрировать, утвердить крепостничество**.

Как видим, польские и литовские феодалы **сами вторглись в осваиваемые казачеством территории, сами спровоцировали острый социальный и межконфессиональный конфликт**. Поэтому изгнать их можно было только силою оружия, заручившись внешней государственной поддержкой.

Суммируя итоги развития коллизий обычного и позитивного права и правовой науки к концу “просвещенного” правления Екатерины II, необходимо подчеркнуть следующее. В XVIII в. Россия была феодальной страной со **слабой правовой регламентацией**. К концу XVIII в. её главным отличительным признаком стало то, что она представляла собою **могучую военную империю**. Государственные и судебные должности занимали в основном офицеры из дворян, получавшие военное образование, но не имевшие образования юридического.

Самодержавную власть устраивал послушный, легко управляемый военизированный государственный аппарат. Он действовал на основе принципов **неразграниченного публичного и частного права**. В силу этого **административное управление и отправление правосудия** совпадали друг с другом. То есть наказание налагалось и осуществлялось в административном порядке.

Однако реформаторам не удалось решить задачу отдаленной перспективы – придать то **качество роста и развития** российской правовой системе, на основе которой процесс модернизации носил бы **постоянный и устойчивый** характер. В таких условиях даже многократно реформированные и перереформированные казачьи общины оставались единственными хранителями некоторых институтов демократизации правоотношений на основе не истребленного до конца обычного права.

Большевистская правовая система, разрабатывавшаяся на основе ленинской догмы абсолютного господства государственной собственности, монополии публичного права, категорическом отвержении частного права, уничтожении традиций и обычаев, могла быть реализована только на поле, полностью “очищенном” от казачьих общин, что и предопределило их историческую трагедию. Поэтому современное возрождение казачества представляет собою ни что иное, как восстановление лучших и наиболее глубоких традиций подлинного народоправства. И ещё очень важно – они могут в известной мере использоваться при реформировании институтов органов местного самоуправления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Отечественная история: Энциклопедия: в 5 т. – М., 1996. – Т. 2. Автор статьи “Казачество” и библиографии Л.И. Фutoryянский.
2. Эллинские поэты в переводах В.В. Вересаева. – М., 1963; Элегии и малые поэмы. – М., 1973.
3. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. 1911.
4. Мавродин В.В. Славяно-русское население Северного Кавказа в X – XV веках // Учёные записки гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – 1938, т. 2.
5. Попов А.И. Кыпчаки и Русь // Учёные записки ЛГУ. Серия ист. – Л., 1949. – Вып. 14.

6. Волынкин Н.М. Предшественники казачества – бродники // Вестник Ленинградского ун-та. – Л., 1949. – № 8.
7. Челобитная гостя и строителя двух крепостей в устье Яика Михаила Гурьева на имя Московского царя Алексея Михайловича // Центральный Государственный архив древних актов, ф. 159: Приказные дела новой разборки, д. 488.
8. Греков Б.Д. Феодальные отношения в Киевском государстве (1-е и 2-е изд. в 1936 и 1937 гг.); Крестьяне на Руси. Кн. 1. – М., 1952. Греков Б.Д. Проблемы генезиса феодализма. Памятники русского права. – М., 1953. – С. 164; Смирнов И.И. К вопросу об изгоях // Академику Б.Д. Грекову ко дню 70-летия: Сб. ст. – М., 1952. – С. 109-111; Советская историческая энциклопедия. – М., 1964. – Т. 5.
9. Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 13, оп. 1-107, кн. 22, лл. 1-360; кн. 26, лл. 1-179; кн. 27, лл. 1-379; Об обстоятельствах и условиях допроса казаков полковником Захаровым см.: Дариенко В.Н. Классовая борьба на Яике в XVII – начале XVIII в. – М., 1966. – С. 13-16.